

ТАНКИСТ ВИКТОР ГРИГОРЬЕВ

Танк был поврежден. Мотор дотянул стальную машину до белого, обмороженного березового леса — и сдал.

И сразу стало тихо. Смеркалось. Зеленое безмолвное небо висело над землей.

Танк остывал. Стальные стены покрылись изнутри пушистым инеем. Холодно так, что дышать больно, и металл прилипал к телу, жег.

Всю ночь механик-водитель Виктор Григорьев исправлял мотор. Изнемогая от стужи, он ни разу не забрался внутрь танка, чтобы погреться возле паяльной лампы. К утру повреждение было устранено. Мотор работал, и по машине разлилась живительная теплота. Виктор Григорьев привел машину на базу. Когда Григорьев вышел из танка, товарищи увидели лицо его — оно было покрыто сухими темными пятнами ожогов стужи. Когда Григорьев снял перчатки, товарищи увидели его руки — они опухли, изодранная кожа запеклась кровью.

— Люди на курорте солнцем обжигались, — сказал Григорьев, — а на морозе — чего ж тут удивительного?

На следующий день подразделение снова готовилось к бою. К Григорьеву подошел знакомый танкист и сказал:

— По приказу командира машину поведу я.

Григорьев побледнел бы, если бы обмороженное лицо могло бледнеть.

Григорьев пришел к комиссару батальона Челомбитько и с горечью сказал ему:

— Товарищ комиссар, я свой «КВ» люблю и знаю, как никто. Не могу я доверить машину в чужие руки. А если у меня сейчас лицо некрасивое, так я не на такси кататься прошу, а в бой.

— Нельзя, — сказал комиссар: — вы больны.

— Товарищ комиссар! Пустите. Я здоровый. Можно температуру смерить. — И в глазах Григорьева была такая обида, такая отчаянная скорбь, что комиссар отвернулся и тихо произнес:

— Хорошо, Григорьев. Вы пойдете.

Первым, как всегда, в атаку пошел танк Григорьева. Немцы били из орудий. Осколки стучали по стальным плитам, как молоты. Припав к смотровой щели, Григорьев гнал машину вперед и чувствовал себя в эти мгновенья таким могущественным, таким сильным, как его машина.

Прямым попаданием покалечило башню танка, заклинило орудие. На онемевшую машину мчался вражеский танк. Но ведь это советские воины подняли впервые над головой врага еще невиданный ни в каких битвах, прославленный теперь навеки меч тарана.

Когда у летчика иссякают боеприпасы, он таранит врага. Когда у танкиста отказывает орудие, он идет на таран.

И Григорьев пошел на таран. Свой танк он превратил в разящий, грозный, тяжелый снаряд и обрушился им на фашистскую машину. Раздробленный немецкий танк, полувдавленный в землю, остался гореть на поле боя, а танк Григорьева мчался дальше с победным ревом. Он втоптал в землю два орудия, ворвался в транспортную автоколонну противника, разметав в щепы двадцать автомашин.

Так дерется и побеждает воин русского народа, парень из города Рязани, двадцатилетний сын ленинского комсомола — танкист Виктор Григорьев.

Это было осенью 1941 года. В одном из боев танк комсомольца Любушкина окружили тринадцать вражеских танков. Любушкин мог выйти из боя. Он принял бой. Броня его танка накамлась и гудела от прямых попаданий снарядов, от ливня пуль. Он уничтожил несколько вражеских танков. Победителю в этом неравном бою комсомольцу Любушкину присвоено звание Героя Советского Союза.